

кажется, достаточно материала, чтобы судить о работѣ Института Общественнаго Мнѣнія. Его организація и принимаемые имъ методы безусловно подлежатъ дальнейшему усовершенствованію. Но достигнутые уже результаты показываютъ, что это молодое дѣло, созданное инициативой и энергіей одного человѣка, таитъ въ себѣ здоровую и полезную идею. При всѣхъ политическихъ режимахъ всегда находятся люди, которые съ пафосомъ выдаютъ свое мнѣніе за мнѣніе широкихъ народныхъ массъ. Но современная техника государственнаго управ-

ленія даетъ массамъ возможность лишь спорадически и въ недостаточно отчетливой формѣ высказывать свои дѣйствительныя мнѣнія и желанія. Поэтому нельзя не приветствовать всякую честную попытку организованнаго выявленія реакцій общественнаго мнѣнія по текущимъ вопросамъ государственной жизни.

Галлупъ недавно открылъ отделение своего Института въ Англии. Было бы желательнымъ, чтобы подобныя организаціи возникли и въ остальныхъ демократическихъ странахъ.

А. А. Гольденвейзеръ.

Национально-государственная проблема въ СССР.

Передъ нами былъ и остается вѣковая національный вопросъ.

Э. Бенешъ. — Радио-рѣчь 11.9.38.

Считалось неоспоримымъ, что прошлый вѣкъ, съ великой французской революціи начиная, былъ вѣкомъ національнаго оформленія и политическаго освобожденія, тогда какъ текущій, XX-ый, является вѣкомъ социально-экономическаго раскрытошенія. Объ экономическомъ равенствѣ, какъ «идеалѣ XX-го вѣка», взамѣнъ не оправдавашаго себя «идеала XIX-го вѣка» — политической свободы, писали не только большевики и фашисты. Исторіософы и «духовѣды» разныхъ странъ воздвигали цѣлая системы въ объясненіе смысла новой исторіи: и они объясняли торжество большевизма и фашизма какъ производное отъ экономической отсталости или обездоленности «огра-

бленныхъ» и «неудовлетворенныхъ» странъ.

Владѣющіе и командующіе, политически и культурно, классы такъ долго и упорно твердили, что ихъ «сословіе» и имуществовное «состояніе» — все, соль земли и государства, что и неимущіе, въ концѣ концовъ, въ это увѣрвали и всерьезъ утвердились на томъ, что у пролетаріевъ чѣтъ отечества и, кромѣ цѣпей, имъ терять нечего даже въ самыхъ катастрофическихъ для страны условіяхъ. Успѣхъ и экспансія большевистскихъ — и фашистскихъ — идей росли въ мѣру отрицанія ими всяческихъ свободъ, какъ пережитковъ «буржуазно-парламентарныхъ» эпохъ и утвержденія главенствующаго значенія

за социально-политическим фактором.

Во всех этих отрицаниях и утверждениях не все определялось невежеством и злой волей, лицемерием и упрощением. В них было и зерно правды, как имбется оно даже у такого фанатического вдохновителя японского милитаризма, как нынешний министр народного просвещения ген. Араки, который, в недавнем интервью европейскому журналисту, отбил: — «Всего еще несколько десятков лет тому назад западная цивилизация была путеводной звездой почти во всех областях: социальной, экономической, идеологической, моральной. Катастрофа западной цивилизации повлекла за собой пересмотр отношений к ней разных народов, начавших искать новых форм цивилизации, более подходящих для нынешних условий...»

Найденный ген. Араки и усвоенный Японией, так называемый, «императорский путь» является, правда, лишь одним из наиболее отталкивающих вариантов существующей в той же Европе цивилизации. Это не отрицает факта, что европейская цивилизация войной и после войны оказалась всесторонне и безнадежно скомпрометирована на всех материках. — И война не была «последней», как утверждали утописты - пацифисты, и породивший ее капитализм вовсе не рухнул после войны, как провозгласили утописты - социалисты. О достигнутом же национальном оформлении и политическом освобождении в свете новейших событий и вовсе не пристало говорить. Больше того: является

тенденциозным упрощением рассматривать перерождение когда-то свободолюбивых национальных движений в движения насильнической, как результат одних лишь интриг и заговора капиталистических «мудрецов»: 200 семей во Франции или 60 в Соед. Штатах. Война и после-военная эпоха с убийственностью, доходившей до трагической самоочевидности, показали, что национальный фактор несколько не утратил своей былой силы и «динамизма».

И по сей день на всех широтах и долготах народы охвачены возбуждением, обладающим общими всем этим народам чертами. Возбуждение питается многими корнями и разными источниками, — но национальные страсти и интересы преобладают, а то и господствуют в ряде случаев. Пусть призывы к насилию, крови, расе, предоступленному водительству и прочий набор слов и чувствований нынешнего нео-национализма производят впечатлительное упадочное состояние после-военной культуры! Неоспоримым остается, что угнетение, воспринимаемое или выдаваемое за угнетение национальное, продолжает быть начиненным не меньшей взрывчатой и детонирующей силой — для угнетаемых, угнетателей и их окружения, — чем угнетение экономическое. Хроника любого дня — на дальнем и ближнем Востоке, в Германии, Испании, Италии, Польше, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Югославии, Франции и т. д. — дает тому несчетное число примеров. Если нынешнее состояние «национальных вопросов» — агрессивность

однихъ, и не только капиталистовъ, но и трудящихся, учащейся молодежи, чиновниковъ, ремесленниковъ, рабочихъ, крестьянъ, и защитная позиция у другихъ — исторически связаны съ прошлымъ, въ частности, съ важными версальскимъ и иными договорами, заключенными 20-ть лѣтъ тому назадъ въ окрестностяхъ Парижа, эта связанность «зоближаетъ» лишь преемственность и неотъемлемость этихъ «вопросовъ», какъ духовно-душевного комплекса и, потому, какъ действительнаго фактора исторіи.

Конечно, во всякомъ «тоталитарномъ» или диктаторіальномъ государствѣ, въ СССР и въ третьемъ рейхѣ или фашистскомъ Римѣ, первичнымъ и всеопредѣляющимъ моментомъ остается политика, господство одного или немногихъ, — какъ это и раньше бывало въ эпохи откровеннаго, и въ этомъ смыслѣ болѣе честнаго, деспотизма. Но политическое и здѣсь, какъ повсюду и всегда, является лишь формой (общезнать) въ отношеніи къ экономическому, національному и проч., составляющему конкретное содержаніе жизни. И это безотносительно къ тому — является ли внутренняя политика продолженіемъ вышней (какъ утверждается вожди «тоталитарныхъ» государствъ) или, наоборотъ, вышняя политика является лишь производной отъ внутренней (какъ это имѣетъ мѣсто въ СССР). Судьбы всякаго политическаго режима опредѣляются національными факторами не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ факторами экономическими, — и режимъ, въ которомъ всѣ начала и концы заострены и сведены къ волю и усмотрѣ-

нію одного, не составляютъ исключенія изъ этого правила.

Ошибочное представленіе о томъ, что національное якобы уже исчерпало себя въ прошломъ и уступило полностью мѣсто экономическому, покоилось не только на недооцѣнкѣ національнаго, но и на переоцѣнкѣ экономическаго, какъ начала главенствующаго и всеопредѣляющаго. «Монистическое» пониманіе исторіи оказалось опровергнутымъ не потому только, что оно было материалистическимъ, а потому, что оно было упрощенно-однолинейнымъ, пытавшимся сложное (общезнать) свести къ болѣе элементарному (хозяйствованію). «Если социальное раздѣленіе нынѣ приняло форму экономической борьбы классовъ, — въ этомъ надобно видѣть не общій законъ исторіи, а частное проявленіе глубокаго преобразованія экономической жизни за послѣднія столѣтія», — замѣчаетъ Молнье въ недавно появившейся книгѣ «По ту сторону націонализма» *). «Острота современныхъ экономическихъ проблемъ сосредоточила именно на нихъ людское вниманіе и комбативность, какъ въ другія времена это вниманіе и комбативность прилагались къ тому, чтобы дать торжество расѣ, клану, національности, вѣрованію». «Утверждать, что гражданская борьба вызывается специфически экономическими причинами потому, что она имѣетъ свои слѣдствія въ экономикѣ, — методъ необычайно неосмотрительный... Основанія для взаимной солидар-

*) Thierry Maulnier: «Au delà du Nationalisme». — NRF. — P. 74, 75 et 79.

лости и борьбы у членовъ того же общества безконечно болѣе глубоки, нежели для ихъ экономическаго противоположенія. Какъ неравенство въ условіяхъ труда не является источникомъ всѣхъ другихъ социальныхъ неравенствъ, а лишь частнымъ ихъ случаемъ, такъ и экономическіе конфликты, которые вызываютъ столкновение между различными классами, являются лишь частнымъ случаемъ социальныхъ антагонизмовъ.

Въ этомъ смыслѣ плюрализмъ, или уравненіе въ правахъ съ экономическимъ началомъ другихъ — и, въ частности, національнаго, — можетъ считать себя оправданнымъ жизнью, невзирая на кровь, которую сопровождается это оправданіе. И поскольку допустимы сужденія о будущемъ, можно утверждать, что тотъ же национальный факторъ вовсе не отходитъ на задній планъ и тѣмъ менѣе — исчезаетъ. Въ тѣмъ болѣе, «амплифицирующей» мѣрѣ это относится къ странамъ многонациональнымъ, — самое бытіе коихъ, политическое, экономическое и иное, связано съ наличностью нѣсколькихъ племенъ и народовъ.

Къ нимъ въ первую очередь принадлежитъ Россія, даже на большевистскій ладъ переименованная и переименованная въ СССР. Какъ ни учитывать социально-политическую отсталость стараго режима и усталость народныхъ массъ въ чуждой имъ по цѣлямъ войнѣ, маневренная ловкость ленинской гвардіи не одержала бы, быть можетъ, побѣды, если бы разнузданные социальные инстинкты не встрѣтили сочувствія и поддержки со стороны противороссійскихъ силъ національнаго мак-

симализма. И относительно будущаго Россіи можно утверждать: сохранится Россія, какъ великая и многонациональная держава, — она имѣетъ шансы превратиться въ государство политически свободное и экономически могущественное и независимое; если же восторжествуютъ силы центробѣжныя, и народы Россіи, въ праведномъ отталкиваніи отъ террористической диктатуры большевистской партіи, станутъ отталкиваться и отдѣляться отъ Россіи, отъ всякой Россіи завтрашняго дня, — неминуема, конечно, новая и затяжная борьба (внѣшняя для однихъ, внутренняя для другихъ), которая поглотитъ въ общей пучинѣ всяческую свободу — «и нашу, и вашу», и политическую, и экономическую, и национальную.

Предотвратить это можетъ не смѣна социального большевизма национальнымъ, а отказъ отъ всякаго и утвержденіе силы и величія Россіи на началахъ подлинно-демократической федеративной связи. «Национально-государственная проблема въ СССР» — связана не съ тѣмъ только, что въ значительной мѣрѣ опредѣлило образование совѣтскаго союза въ прошломъ, но и съ тѣмъ, что можетъ опредѣлить упраздненіе и смѣну нынѣшняго режима.

Заглавіе предлагаемой статьи взято нами изъ доклада, сдѣланнаго больше года тому назадъ въ Парижѣ виднымъ украинскимъ дѣятелемъ и идеологомъ сепаратистскаго движенія М. А. Славинскимъ. Теперь этотъ докладъ счелъ полезнымъ и своевременнымъ издать на русскомъ языкѣ

«Комитетъ дружбы народовъ Кавказа, Туркестана и Украины», — который съ полнымъ основаніемъ могъ бы именоваться и «Комитетомъ ненависти къ Россіи».

Докладъ - брошюра заслуживаетъ общественнаго вниманія прежде всего въ силу личности автора. Бывшій сотрудникъ и секретарь редакціи «Вѣстника Европы» послѣ Стасюлевича и кратковременный министр самостоятельной Украины представляеть собой, на фонѣ общей убогости сепаратистской идеологіи и, по сравненію съ ея низинами, несомнѣнно одну изъ идеологическихъ вышекъ. Съ другой стороны, если Достоевскій рекомендовалъ судить о русскомъ народѣ «не по тѣмъ мерзостямъ, которыя онъ такъ часто дѣлаетъ, а по тѣмъ великимъ и святымъ вѣщамъ, по которымъ онъ и въ самой мерзости своей постоянно воздыхаетъ», — необходимо, для сохраненія безпристрастія, и враговъ русскаго народа судить не по тѣмъ «мерзостямъ», которыя свершаютъ торгующіе «кусками» Россіи оломъ и въ розницу, тайкомъ и открыто, а по тому «великому и святому», по которому они «въ самой мерзости своей постоянно воздыхаютъ».

Славинскій — одинъ изъ очень немногихъ въ сепаратистскомъ лагерѣ, которые интересуются основаніемъ того, «во имя» чего другіе, практики и дѣльцы, творятъ свои «мерзости». Чрезвычайно поучительно, поэтому, ознакомиться и съ «Национально-государственной проблемой въ СССР», какъ ее себѣ представляетъ и другимъ излагаетъ одинъ изъ идеологовъ не украинскаго только сепаратизма, а общаго и мно-

гимъ другимъ плана расчлененія Россіи.

Точности ради надлежитъ все-таки отмѣтить, что «Комитетъ дружбы народовъ Кавказа, Туркестана и Украины» не включаетъ въ свой составъ даже всѣхъ «народовъ», вошедшихъ въ лигу «Прометей», — народы Ингерманландіи, Идель-Урала, Коми, Кубани и др., какъ въ самую лигу не вошли и «народы» Армении, Гблоруссіи и др.

О чемъ же «воздыхаетъ» М. А. Славинскій?

Въ однихъ случаяхъ онъ апеллируетъ отъ «домысловъ, не лишённыхъ остроумія и диалектической тонкости», къ «дѣйствительной жизни»; въ другихъ же, наоборотъ, онъ отвергаетъ эту «дѣйствительную жизнь», въ частности, «физическое преобладаніе великорусской массы, руководимой большевиками», — взявая къ собственнымъ «домысламъ» и «воздыханіямъ» о болѣе счастливой жизни для украинскіхъ массъ.

Авторъ трактуетъ свою тему не съ исторической или политической точки зрѣнія, а съ особой — «націологической». Къ сожалѣнію, новая — не совсѣмъ вразумительная — терминологія не избавляетъ «маститаго націолога», какъ рекомендуетъ автора «Комитетъ дружбы», отъ очень старыхъ ошибокъ и передежекъ. Авторъ склоняется къ формулированному еще старикомъ Блюнчли ирреальному тезису: каждая нація должна создать свое государство, каждое государство — состоятъ изъ одной только національности. Славинскій утверждаетъ, что кто не раздѣляетъ этого тезиса Блюнчли и склоненъ считаться съ фактомъ существованія и жизнеспос-

собности многонациональных государств, тотъ стоитъ на томъ, что «въ государствѣ можетъ быть только одна нація государственная, а остальные должны исчезнуть въ ея пользу» (подчеркнуто Славинскимъ).

Уже по одному такому, болѣе чѣмъ произвольному, упрощенію взглядовъ противника, можно судить о теоретическомъ уровнѣ націологін Славинскаго. За исключеніемъ мнѣшнихъ «арійскихъ» націологовъ, покровительствующихъ россійскихъ сепаратистамъ, въ теченіе уже многихъ вѣковъ ни одно политическое теченіе не защищало зоологически-лещерной теоріи — исчезновенія всѣхъ націй «въ пользу» одной, государственной. И какъ ни велики грѣхи и преступления царской Россіи въ отношеніи къ своимъ народамъ и инородцамъ, — что соответствовало и природѣ самодержавія, и общей его политикѣ закрѣпощенія и угнетенія всѣхъ подвластныхъ, въ томъ числѣ и коренного или «господствующаго» населенія, — было бы поклепомъ и исторической ложью утверждать, что самодержавная Россія стремилась къ «исчезновенію» своихъ «подкомандныхъ націй».

Чтобы не возвращаться къ арханическому тезису Блюнчли, который является краеугольнымъ камнемъ въ націологін Славинскаго, отмѣтимъ, что, противопоставляя тезису Блюнчли — тезисъ насильнической, изъ котораго якобы исходятъ всѣ несогласные съ Блюнчли и Славинскимъ, — авторъ самъ отнюдь не уравниваетъ въ правахъ всѣ народы и народности. И по его мнѣнію, «не всѣ онѣ (изъ свыше ста, которыя

насчитывала въ Россіи перепись 1897 года), конечно (!), были націями въ современномъ смыслѣ этого слова». Авторъ считаетъ, что подавляющее большинство — до 80% — этихъ народностей «были еще въ стадіи пластически-этнографическаго состоянія», такъ какъ отъ націй «кромѣ наличности широкихъ (?) народныхъ массъ, требуется еще извѣстная (?) длительность исторической традиціи, существованіе собственной литературы и наличности дѣятельнаго кадра національной интеллигенціи».

Не будемъ вдаваться въ отвѣченный споръ о томъ, что есть нація въ современномъ смыслѣ этого слова: указанный перечень признаковъ представляется намъ и недостаточнымъ, и избыточнымъ — повторяющимъ одиакъ другимъ. Перейдемъ къ другимъ, не менѣе кричащимъ противорѣчіямъ и упрощеніямъ и прежде всего къ утвержденію, что «въ Россіи командная нація (т. е. великороссы), если брать не элиту ея, а широкія народныя массы, была культурно ниже всѣхъ присоединенныхъ къ ней европейскихъ націй, ниже націй и народовъ Кавказа и Туркестана, ниже и многихъ иныхъ азіатскихъ народностей».

Хорошо, конечно, что Славинскій уступаетъ еще «элиту», т. е. Ломоносова и Менделѣева, Пушкина и Лермонтова, Герцена и Бѣлинскаго, Толстого и Достоевскаго, Мусоргскаго и Скрябина, Шаляпина и Павлову, Станиславскаго и Дягилева, Рѣпина и Врубеля. Но и то, что остается послѣ этого, можно принять лишь въ томъ случаѣ, если считать, что осѣдность не является признакомъ болѣе высокой культуры, нежели

быть кочевниковъ, какъ не является рѣшающимъ показателемъ культуры и наличности у народа (великороссая) письменности въ течение вѣковъ, въ то время, какъ у другихъ, якобы болѣе культурныхъ народовъ письменность только начинаетъ возвращаться по прямому приказу совѣтской власти.

Славинскій самъ отмѣчаетъ, что «великороссы, несмотря на всѣ ихъ огромныя успія и огромныя жертвы, не только не стали сами подлинной нацией въ государствѣ, ими же созданномъ (!), но не сумѣли даже стать базой для творимой нации имперской. Въ нѣкоторомъ отношеніи ихъ національное положеніе было даже худшимъ, по сравненію съ націями подкомандными. И тѣмъ не менѣе авторъ удерживаетъ свою характеристику великорусской нации, какъ «командной» по отношенію ко всѣмъ другимъ — «подкоманднымъ»!

Весьма низко ставя великорусскія «широкія народныя массы», авторъ не многимъ, въ сущности, милостивѣе къ великорусской интеллигенціи. «Эта элита физически — черезъ языкъ — въ нѣкоторой степени какъ будто близка всѣмъ народамъ Россіи, потому что среди нихъ всѣхъ вербовала она своихъ членовъ; психологически же, въ национальномъ значеніи этого слова, — она была всѣмъ чужда, въ томъ числѣ даже и великороссамъ». «Рѣзко расходясь со всей имперской (великорусской) націей въ вопросахъ национально - государственныхъ, интеллектуальныхъ подкомандныхъ націй чувствовали, однако, нѣкоторую, если можно такъ выразить-

ся, свою идеологическую конгеніальность (?) съ той частью російской общественности (демократической), которая, какъ и она, воспитана была политически на идеяхъ европейскаго демократизма и социальной справедливости. Между ними всегда была извѣстная — правда, очень сдержанная — близость и нѣкоторое довѣріе». Но... Случилось невѣроятное: російская демократическая общественность отнеслась равнодушно къ созданному въ концѣ 17 года Грушевскимъ и Ко «Съѣзду народовъ» въ Кіевѣ; съѣздъ провалился и своимъ проваломъ «отрезвилъ» настроеніе «интеллигенціи подкомандныхъ націй» — «навсегда зачеркнулъ ея довѣріе къ конгеніальной съ нею политически демократической частью російской общественности! Окончательно обнаружилось, что «чрезвычайная напористость денационализаторскихъ усилій» характерна не только для государственнаго аппарата, но и для російской общественности! Демократическая общественность «просто ничего не поняла» въ томъ, что произошло; другое дѣло — большевики.

Слѣдующая принятой большевиками и реакціонерами «периодизация» русской исторіи, націоналогъ-сепаратистъ дѣлитъ ее на императорскій, или до-революціонный періодъ, до Февраля (когда случилась не революція, а «катастрофа») и по-революціонный или совѣтско - большевистскій періодъ «подлинной революціи»: Эта периодизация позволяетъ автору вмѣнить въ вину преступленія Октября дѣятелямъ Февраля и «амальгамировать» воедино всю «передовую общественность». Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ устанавливается гене-

тическая связь сепаратистских движений съ большевистскимъ.

«Въ Великороссіи она (подлинная революція) приобрѣла чисто социальный характеръ, у подкомандныхъ націй социальные элементы ея ярко окрасились въ національные цвѣта, „положивъ начало отдѣленію ихъ отъ имперіи и провозглашенію государственной независимости“. Интеллиген-ты-сепаратисты, или, какъ Славинскій выражается, «национальные интеллектуалы» рѣшили «по отношенію къ большевикамъ принять ихъ же тактический приемъ», — они приняли большевистскую программу въ національномъ вопросѣ съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ при первомъ же удобномъ случаѣ отказаться отъ нея и, обогнавъ большевиковъ, «отрѣзать имъ какіе бы то ни было пути къ національнымъ народнымъ массамъ».

Изъ состязанія во взаимномъ обманѣ и посулахъ социальныхъ демагоговъ и национальныхъ побѣдителями вышли, какъ извѣстно, первые, большевики: «обходившіе ихъ оказались сами обойденными», — какъ это было пред-усмотрѣно еще Клаузевицемъ. Славинскій не отрицаетъ факта поражения, которое понесли сепаратисты въ своей борьбѣ противъ большевиковъ большеинстскимъ же оружіемъ. У него имѣется, однако, утѣшеніе: «пораженіе нисколько не отразилось на динамической силѣ національно-государственной проблемы внутри подкомандныхъ націй, ибо «въ этой борьбѣ между ними и великороссами, не только между арміями, а что гораздо важнѣе: между народами легла кровь, а, какъ извѣстно, въ народномъ

представленіи кровь пролитая вопіетъ объ отмщеніи — вопіетъ въ поколѣніяхъ». «Борьбой и кровью окрашены ихъ (подкомандныхъ націй) отрывъ отъ императорской Россіи, въ той же атмосферѣ произойдетъ и ихъ освобожденіе отъ СССР». — На этомъ основаніи бывший русскій интеллигентъ, а нынѣ нціоналогъ украинскаго сепаратизма изступленно взываетъ: «Прочь отъ Москвы, отъ всякой Москвы — красной и бѣлой, отъ всякаго режима — царскаго, большевистскаго и демократическаго, отъ всякаго имперскаго единства — внѣшняго и внутренняго, — прочь отъ Россіи вообще!»

Авторъ зачеркиваетъ тѣмъ самымъ не только собственное политическое прошлое и былую общую борьбу за утвержденіе свободы и справедливости для всѣхъ составляющихъ Россію народовъ и народностей. Онъ безповоротнѣ рветъ съ традиционнымъ для русской интеллигенціи гуманизмомъ и идеализмомъ и ставитъ на ихъ мѣсто законъ кроваваго отмщенія и перманентной войны всѣхъ противъ всѣхъ. Ибо Славинскій правъ, когда повторяетъ общее мѣсто о недостаточности или даже «ничтожности» интереса, который проявляла великорусская, или русскія интеллигенція къ имперскому единству, несмотря на то, что «усиліями именно великороссовъ, какъ народа, создана была теперь разваливающаяся имперія». Онъ упускаетъ изъ виду лишь то, что это все было — въ прошломъ..

Если «национальные интеллектуалы» успѣли за послѣдніе годы пройти съ родственными имъ массами «практический семинаръ національнаго государствовѣдѣнія»,

то вѣдь не стояли на мѣстѣ и тѣ, кто продолжают причислять себя къ русской интеллигенціи. И они кое къ чему приглядѣлись, кое чему научились и кой отъ чего, разочаровавшись, отказались. Въ свѣтѣ и опытѣ пережитого за послѣднія 20 лѣтъ, и въ Россіи, и за ея рубежами не переставшіе считать себя россиянами научились цѣнить многое изъ того, къ чему раньше относились безразлично или съ наивно-благодушной увѣренностью, что политическая свобода, социальное равенство и національное братство устанавливаются путемъ совмѣстной и согласованной борьбы всѣхъ угнетаемыхъ народовъ, классовъ, группъ противъ угнетателей различныхъ видовъ и ранговъ. Эта наивная вѣра давно разсѣялась: въ частности, послѣ того какъ гонимые и преслѣдуемые партіи и классы превратились въ угнетателей и преслѣдователей, а бывшая «подкомандная нація», превратилась либо сами въ націю командующія, либо добровольно поставили себя на службу и «подъ команду» угрожающихъ Россіи державъ: Германіи, Польши, Турціи, Японіи.

При очной ставкѣ, устроенной исторіей русской интеллигенціи и «национальнымъ интелектуаламъ», первой не разъ дано было убѣдиться, что отдѣлившіяся отъ Россіи «подкомандная нація» оказывались болѣе нетерпимыми и жестокими въ отношеніи къ своимъ «подкоманднымъ» меньшинствамъ, нежели даже деспотическая царская власть. И вой-

ны, которыя вели между собою отдѣлившіяся отъ Россіи народы на Кавказѣ и въ Прибалтикѣ — войны за расширеніе своихъ территоріальныхъ границъ каждой изъ націй — тоже не свидѣтельствуютъ о якобы болѣе высокомъ морально-политическомъ и культурномъ уровнѣ «подкомандныхъ націй». Наконецъ, если взять «оселокъ» для испытанія національно-государственной культуры — злополучный еврейскій вопросъ, — исторія какъ разъ Украины оказывается особенно неблагополучной, являя собою мало съ чѣмъ сравнимыя проявленія варварства и жестокости. Здѣсь можно говорить даже о «традиціи», уцѣлѣвшей на протяженіи почти трехъ вѣковъ, — отъ «украинской рѣзни евреевъ» 1648 года, при Богданѣ Хмельницкомъ еще до воссоединенія Украины съ Москвою, и вплоть до чудовищнаго истребленія евреевъ при Петлюрѣ послѣ отдѣленія Украины отъ Москвы въ 1919 г. Здѣсь уже не скажешь, что связь съ Великороссіей понизила культуру даже Украины, — не то что бродячихъ кочевниковъ Азіи.

Сепаратисты могутъ стремиться къ «дислокаціи» Россіи — они не первые и не единственные. Помять ихъ немудрено. Но всякая попытка прикрыть заинтересованность видимостью идеологии и своей якобы болѣе высокой культурностью лишь компрометируетъ лично такихъ идеологовъ и культуртрегеровъ.

М. В. Вишнякъ.